

Моск. новости
1987. - 29 июля (№ 48)
с. 3.

ИМЕЮЩИЙ УШИ ДА УСЛЫШИТ

**Андрей
ВАСИЛЬЕВ**

Высоцкий — лауреат Государственной премии. Впрочем, дело не в высоком, хоть и запоздавшем, звании. Дело в государственном признании. Что же признано?

Что о великой войне имеет право говорить человек, никогда не воевавший. Что от имени государства может говорить человек, никогда не поднимавшийся на трибуну. Что гитара может звучать всенародным набатом. Что искусством может оказаться то, что до недавнего времени считалось «подъездной музыкой». Признано то, что десятки лет не признавалось...

...В порядке «частного случая»? Исключения, подтверждающего правило? Тогда это было бы больше похоже на уступку, нежели на позицию.

Конечно, Высоцкий — исключение. Как и любой большой талант. Конечно, его голос легко различить в хоре бардов. Но давно ли перестали считать авторскую песню посторонним в искусстве шумом?

Принадлежность того или иного явления к вечному искусству объективно определяется только «постфактум». Потомки — полновластные хозяева культурного наследия каждого поколения. Но попытки изъять порожденную поколением культуру, так сказать, при его жизни напоминают бой с тенью. А планка так называемого «художественного уровня» превращается в острое лезвие. Найдется ли прыгун, желающий ее преодолеть? Находятся, но

едва ли такую борьбу можно считать спортивной.

«Когда я про себя читаю враки — из тех, что миллионным тиражом, — я понимаю, что дошло до драки, и запасаюсь песней, как ножом».

Нет, это не Высоцкий. Это рок-группа «Алиби» из подмосковной Дубны. К сожалению, ребята имеют основание так петь. В той же песне они говорят, что осознали Родину, пропустив по нервам, как через магнитофон, голос Высоцкого.

Он умел видеть и слышать. В жаргоне — слово. В трехаккордном мотиве — плач. В тюремном сроке — судьбу. Его видение жизни стало защитой целому поколению. А поколение защищало своего глашатая. Тем, что до отказа набивало залы, где он выступал без афиш и рекламы. Тем, что без каких-либо административных санкций увековечивало его голос километрами плохой пленки. Тем, что плевало на обвинения в «фанатизме», «дурновкусии», «всеядности». Неужели для того, чтобы позже — повзрослев, отказать в том же праве собственным детям? Тем, кому рок стал столь же мощной поддержкой, как авторская песня — молодежи 60-х.

При всех стилистических особенностях советской рок-музыки можно без труда нащупать ее связь с древним искусством скоморохов, городским романсом начала века, с теми же бардами. Но это будет культурологический разговор, которого рок пока не удостоен. Споры ведутся на уровне обвинений и защиты. Я не осуждаю уважаемых критиков: они просто не слышали советского рока. В эфир просеивается

все самое бесконфликтное. Причем это не чья-то злая воля, а стремление уберечь музыкантов от лишней порции негодования. Так администрирование культурой, даже с благими намерениями, против нее же и оборачивается.

Ну а за нее... снова километры пленки и переполненные тысячные залы. Я слышал эти песни на сценах домов культуры, руководители которых, немолодые усталые люди, обрели себя на годах не снимаемые выговоры. Я слышал яростные споры об этих песнях, не спровоцированные телевизионными рингами. Я слышал в этих песнях голос совести, не боящийся собственной неправоты. Голос Высоцкого.

У этих песен миллионы поклонников. Ярых противников, уверен, в сотни раз меньше. Но принято почему-то больше прислушиваться к голосу противников. Так спокойнее?

Но Государственная премия Высоцкому не ради всеобщего спокойствия. Он, кстати, спокойствия не знал. И потому заставил пристальнее взглянуть в лица сыновей тех, кому посвящали военные песни. Или это все же частный случай?

Понимаю: непривычно. Популярная культура до сих пор не приучила нас относиться к ней всерьез. Но если стали популярными первые полосы газет, программа «Время» и «Международная панорама», стоит изменить отношение к популярности. И принимать ее без надменных оговорок. Тем более что она, оказывается, бывает достойна Государственной премии.